

0-792393

На правах рукописи

НЕСТЕРОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПАТЕРНАЛИСТСКОГО АВТОРИТАРИЗМА
В РЕСПУБЛИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии (по политическим наукам)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Саратов – 2010

Диссертация выполнена на кафедре политических наук юридического факультета ГОУ ВПО «Саратовский Государственный Университет имени Н.Г. Чернышевского».

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Ванюков Дмитрий Александрович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Магомедов Арбахан Курбанович

кандидат политических наук, доцент
Семенов Владимир Васильевич

Ведущая организация – **Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина**

Защита состоится 12 марта 2010 г. в 10.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.243.04 по политическим наукам в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус 12, ауд. 510).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале № 3 Научной библиотеки Саратовского государственного университета.

Автореферат разослан «11» февраля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат политических наук,
доцент

И. И. Кузнецов

Актуальность темы диссертационного исследования. В начале XXI века государственный переворот в Киргизии и массовые акции протеста против действующей власти в г. Андижан (Узбекистан) обозначили важность Центральной Азии для безопасности и стабильности в регионе. Естественная близость республик Центральной Азии к «анти-террористическому фронту» в Афганистане и Иране, где США и их союзники решают свои внешнеполитические задачи, также программирует повышение геополитической роли государств, «южных окраин» бывшего СССР, а также устойчивый интерес к личностям политических руководителей, которые находятся у власти (за исключением нынешнего президента Туркменистана Г. Бердымухамедова) с советских времен.

Вблизи от российских границ и в зоне непосредственных геополитических интересов нашей страны, разворачиваются противоречивые, но одинаково конфликтогенные сценарии, чреватые подрывом российских позиций в регионе и даже полным вытеснением РФ из Центральной Азии.

Еще большую опасность представляет вариант превращения республик Центральной Азии в полигон «Халифата» - проекта исламских фундаменталистов, пытающихся «возродить» мусульманскую империю на евразийском пространстве. Данная перспектива чревата опасностями распространения ислама в его воинственной, радикальной форме в регионы РФ с мусульманским населением и эскалации внутрироссийских конфликтов по «чеченскому» сценарию. Таким образом, страны Центральной Азии могут рассматриваться как «дальние» пограничные рубежи России, где в немалой степени обеспечивается безопасность и стабильность страны. Не стоит забывать и об опасностях для здоровья и будущего российских граждан от наркотрафика, который идет через рассматриваемые государства.

Потому политические процессы в центральноазиатском регионе нуждаются в объективном, беспристрастном научном анализе ситуации, сложившейся после распада советского государства. В начале 90-х гг. все бывшие советские республики оказались примерно в одинаково трудных условиях, т.е. перед необходимостью решения рамочных, с точки зрения общепринятых стандартов «мировой цивилизации», задач: перехода к рыночной экономике, демократизации общества, поиска новой идеологии, новых приоритетов. На данный процесс оказали влияние и факторы распространенной в регионе традиционной культуры, и так называемого советского наследия, представленного в том числе политической элитой в виде бывшей коммунистической партноменклатуры, из интернациона-

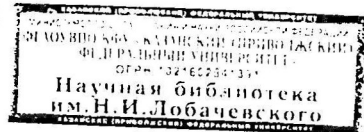
листов в кратчайшие сроки превратившихся в поборников и защитников «национальной самобытности» и «исключительности» своих народов.

Огромную важность представляет здесь оценка сущности и перспектив развития политических режимов центральноазиатских республик. Данная проблема имеет также большое значение для развернувшейся особенно активно в мировой политической науке дискуссии о взаимоотношениях демократии и авторитаризма в современном мире, о возможностях и потенциальных формах трансформации авторитарных политических режимов.

Диапазон распространения авторитарных режимов довольно широк, и число их в настоящее время весьма велико. Переплетение разнообразных факторов, многообразие условий жизни, своеобразие политических культур различных стран порождают многочисленные вариативные формы авторитарных режимов. Для каждого из них характерны собственная расстановка социально-политических сил на политической арене, методы осуществления властных отношений, институциональные возможности участия граждан в политической жизни и т.п.

В начале 90-х гг. XX в. новые независимые государства, появившиеся на постсоветском пространстве, считались составной частью глобального движения к демократии. К концу 2000-х гг. в Центральной Азии вокруг лидеров «отцов наций» сформировались недемократические по сути режимы, которые можно охарактеризовать как «патерналистские автократии». Одновременно был запущен механизм своеобразной политической реактуализации институтов и ритуалов, характерных для традиционных обществ и культур. Происходит своеобразный возврат к прошлому, где фигуры «отцов наций» воспринимались как древние «этнархи», поэтому к политическим режимам данного типа применимо и определение «этнархий» как системы взаимоотношений между традиционалистски настроенным большинством общества и носителем верховной власти. На восточноевропейском пространстве данный феномен был определен как «батьковщина». А для характеристики институциональной сущности центральноазиатских государств употребляется термин «башизм». Необходимость введения данного термина объясняется не только кланово-племенными особенностями устройства и развития традиционных восточных обществ, но и соединением власти и собственности, формирующим особые социальные, политические, экономические и культурные условия для их эволюции.

В работе были проанализированы процессы институционализации патерналистских автократий в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркменистане. Политические режимы этих государств, несомненно, могут быть отнесены к разряду авторитарных, но со своей спецификой и

различной степенью демократичности. Вполне демократический, внешний политико-институциональный дизайн режимов в Казахстане, Киргизии и Узбекистане, сформирован на основе семейно-клановых отношений. Туркмения при С. Ниязове отличалась авторитаризмом, так называемого вождистского типа, где практически отсутствовали элементы реальной политической конкуренции. Изменения, происходящие сегодня при его преемнике Г. Бердымухамедове, носят в целом внешний характер, не затрагивающий институциональной сущности режима.

Необходимо отметить, что в поле анализа не был включен Таджикистан. В отличие от других республик региона, сложившийся в этом государстве авторитарный режим, в результате затянутой гражданской войны, носит преимущественно трайбалистско-тейпийский характер, а не основан на семейно-клановых отношениях. Противостояние между этническими территориально-племенными группировками худжандцев и кулябцев оказывает значительное влияние на всю политическую систему Таджикистана и требует отдельного рассмотрения.

Можно признать, что практически все республики бывшего СССР, не исключая в определенной степени и самой России, сегодня определяются в рамках таких понятий, как «управляемые демократии», «демократический царизм», «демократический тоталитаризм» и т.д. Поэтому изучение институционализации центральноазиатского «башизма» имеет важность для оценок потенциала развития политических процессов в российском государстве, а также возможности избежать внешних и внутренних политических рисков, связанных с патерналистской автократией.

Степень научной разработанности проблемы. В целом проблемы политических процессов в республиках Центральной Азии и их режимно-институционального дизайна рассматривались в работах, которые по своей направленности можно разделить на три группы.

Первая группа – это исследования этноконфессиональной ситуации в регионе, где исламский радикализм и осуществление проекта «Халифата» рассматриваются как большее зло, чем известные издержки существования авторитарных режимов. Особенно данная тенденция прослеживается в публикациях о феномене так называемого светского исламизма в Узбекистане¹. Употребляемый некоторыми авторами (Р.Ф. Абазов, А. Джалалов и др.²) термин «исламское возрождение» обходит стороной то важное об-

¹ Трофимов Д.А. Исламский фактор и проблемы внутренней стабильности в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Вестник Моск. ун-та. Сер.13. 1996. №2; Уманский Я., Арапов А. Светский исламизм: вариант Узбекистана // Свободная мысль. 1995. №7; Халмухамедов А. Исламский фактор в Узбекистане // Свободная мысль. 1998. №4; Пономарев В.А. Ислам в Узбекистане, 1989-1995 // Полис. 1996. №2.

² Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах // Полис. 1995. №5; Джалалов А. Культурное и духовное наследие Узбекистана - фактор

стоятельство, что исламизм выступил в регионе как некий идеологический «проект сверху», призванный в первую очередь легитимировать властные полномочия руководителей республик Центральной Азии. Здесь отдельно необходимо выделить обстоятельные, многоплановые работы ведущих российских политологов – исламоведов А.В. Малащенко³ и Г.И. Мирского⁴, которые вскрывают сущность мифологизированных концептов «исламского возрождения» и «исламской угрозы», и увязывают их бытование с социокультурным контекстом местных традиционных культур и подтекстом геополитических интересов основных акторов мировой политики. Важные наблюдения о новейших проявлениях теории и практики исламизма делают О. Бибикова, Л.С. Васильев и Н.В. Володина⁵, а также председатель Российского исламского комитета Г.Д. Джамаль, хотя многие его оценочные положения (например, резкое неприятие политики и личности президента И. Каримова) нуждаются в корректировке⁶.

Вторая группа – это исследования по проблемам российской внешней политики и стратегических интересов РФ в Центральной Азии, где так или иначе затрагивается и вопрос о характере политических режимов, входящих в регион государств, и даются оценки деятельности их руководителей. Фактор обеспечения безопасности российских границ выходит на первое место и в исследованиях А.Г. Большакова, С.В. Голунова, Э. Рахматуллаева и А.В. Торопыгина⁷, и в статьях С. Акимбекова, Е. Борисовой, Д. Малышевой, Д. Файзуллаева⁸, «круглых столов»

возрождения национального самосознания // Общество и экономика. 1998. №3; Шоберлайн-энгел Д. Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. №3.

³ Малащенко А.В. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. М., 2002; Малащенко А.В. Бродит ли призрак «исламской угрозы»? // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. М., 2004; Малащенко А.В. Исламская альтернатива или исламистский проект. М., 2006.

⁴ Мирский Г.И. Нация, этнос, религия в центральноазиатском контексте // Мировая экономика и международные отношения. 1993. №12; Мирский Г.И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия // Полис. 1998. №2.

⁵ Бибикова О. Кавказ – Центральная Азия: феномен «ваххабизма» // Азия и Африка сегодня. 1999. №8; Васильев Л.С. Ислам и террор // Общественные науки и современность. 2006. №1; Володина Н.В. Ислам: проблемы идеологии, права и политики // Социально-гуманитарные знания. 2002. №6.

⁶ Джамаль Г.Д. Освобождение ислама. М., 2004.

⁷ Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европейской периферии. Казань, 2009; Голунов С. В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Автореф. дис... док. полит. наук. Нижн. Новгород, 2008; Рахматулаев Э. Превентивная дипломатия: теория, практика и ее перспективы в Центральной Азии. Автореф. дис... док. полит. наук. М., 2008; Торопыгин А. В. Общее пространство безопасности СНГ: специфика и основные направления формирования (политологический анализ). Автореф. дис... док. полит. наук. СПб., 2008.

⁸ Акимбеков С. Российская политика в Центральной Азии (Состояние и перспективы) // Pro et Contra. 2000. Том 5. №3; Борисова Е. Интересы России в Казахстане и возможные пути их осуществления // Власть. 2001. №7; Малышева Д. Конфликты у южных рубежей России // Pro et Contra. 2000. Том 5. №3; Файзуллаев Д. Россия и геополитическая перегруппировка сил в Центральной

в журналах «Восток» и «Мировая экономика и международные отношения», где стабильность политических режимов и степень авторитарности их руководителей рассматривались как одни из основополагающих факторов предотвращения процесса превращения Центральной Азии в «горячий» регион у самых российских границ⁹. Критерий с положением русскоязычного населения в этих государствах и сам фактор официального бытования русского языка актуализируется у М.Г. Делягина, И.В. Павловского и авторов коллективной монографии «Владимир Путин. Рано подводить итоги»¹⁰. И. Заславский, А. Магомедов, В. Тураджаев и Д. Файзуллаев выделяют интересы российского газонефтяного сектора в качестве своеобразного модератора системы двусторонних и многосторонних отношений России со странами региона¹¹.

Для Б. Ключникова, В.В. Серебрянникова и Б.Н. Шапталова Центральная Азия предстает в качестве одного из важнейших геополитических плацдармов, где происходят внешнеполитические противостояния экспансионистской политики США¹². В.В. Шапинов и М.В. Леонтьев склонны видеть в этом противостоянии своеобразную реинкарнацию «Большой игры» - конфликта в этом регионе во второй половине XIX в. между Российской и Британской империями¹³, который в рамках цивилизационной политической географии был тщательно проанализирован Д.Н. Замятиным¹⁴. Влияние Ирана на начальном этапе самоопределения центральноазиатских государств стало предметом исследования М. Володар-

Азии // Азия и Африка сегодня. 2006. №3; Файзуллаев Д. Узбекистан-Киргизия: политико-экономические последствия территориальных проблем // Азия и Африка сегодня. 2005. №7.

⁹Россия и центральноазиатские республики: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 1993. №11.

¹⁰Делягин М.В. Реванш России. М., 2008; Павловский И.В. Политика национальных интересов России: вектор развития современной России. М., 2008; Владимир Путин. Рано подводить итоги. М., 2007.

¹¹Заславский И. Дело труба. Баку – Тбилиси – Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М., 2005; Магомедов А. Каспийская нефть и российские регионы: меняющаяся природа локальных интересов вдоль нефтепровода Тенгиз-Новороссийск (сравнительный анализ). Asta Slavica Iaponica. Sapporo, Japan, 2002. Tomus XIX; Тураджаев В. Не газом единым // Азия и Африка сегодня. 1996. №10; Файзуллаев Д. Туркменистан: стратегия и тактика освоения газовых ресурсов // Азия и Африка сегодня. 2005. №1.

¹²Ключников Б. Исламизм, США и Европа. М., 2003; Серебрянников В.В. Вторжение США в Центральную Азию // Социально-гуманитарные знания. 2002. №5; Шапталов Б.Н. Русская экспансия: бей первым или погибнешь. М., 2005.

¹³Леонтьев М.В. Большая игра. М.-СПб., 2008; Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М., 2007.

¹⁴Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.

ского и Л. Баазовой¹⁵. Изучение региона в рамках общеглобализационной модели представляется перспективным направлением отечественной политической науки, которое обозначено в работах Э.Г. Кочетова (геоэкономический аспект)¹⁶, Л. Максаковой, Л.А. Фридмана и М.В. Видясовой (миграционный и экологический аспект)¹⁷, С. Панарина (проблема общецивилизационной совместимости)¹⁸.

Наиболее обстоятельными являются книги ведущих специалистов по восточному направлению мировой и российской политики О.А. Арина и С.Г. Лузянина¹⁹. Если первый склонен выделять недостатки и промахи внешнеполитической стратегии РФ, то второй, не обходя стороной кризисных моментов в системе двусторонних отношений Москвы с государствами региона и в составе блоковых организаций (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕвразЭс), делает акцент на позитивных сдвигах по обоим векторам новейшей российской стратегии на «Большом Востоке».

Третья группа – это исследования модернизационных процессов, в рамках которых, как принято считать в современной политологии, и происходит процесс перехода авторитарных режимов к демократическому институциональному дизайну, процедурам и ценностям. Здесь можно выделить работы, где данные проблемы рассматривались с общетеоретической точки зрения²⁰, и исследования данных процессов именно в Центральной Азии и других регионах, находящихся на схожих

¹⁵ Володарский М., Баазова Л. Россия, Иран и независимые государства Средней Азии после распада СССР (1990-1994) // Восток: Афро-азиатские общества. История и современность. 1997. №1.

¹⁶ Кочетов Э.Г. Глобалистика, как геоэкономика, как реальность, как мироздание: новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М., 2001.

¹⁷ Максакова Л. Современные тенденции миграции населения Узбекистана // Общество и экономика. 1998. №3; Фридман Л.А., Видясова М.Ф. Страны Центральной Азии перед лицом глобальных «вызовов» начала XXI в. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. 2002. №1; Фридман Л.А. Положение населения в странах Центральной Азии // Россия XXI век. 2003. №1.

¹⁸ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. №1(8); Панарин С. Россия и Центральная Азия: взаимодополнительность и свободное движение населения // Pro et Contra. 2000. Том 5. №3.

¹⁹ Арин О.А. Двадцать первый век: Мир без России. М., 2003; Арин О.А. Россия: ни шагу вперед. М., 2003; Лузянин С.Г. Восточная политика В.Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) М., 2007.

²⁰ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Анискевич А.С. Массы и лидеры в условиях перехода от диктатуры к демократии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 1992. №2; Латыпов Р.А. Постсоветская Россия и опыт авторитарных демократий // Полис. 2000. №4; Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. №1; Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели // Полис. 2001. №4; Ринген С. Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. №2; Хорос В., Чешков В. Авторитаризм и демократия в третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №7; Цыганков А.П. Между либеральной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России, 1991-1996 гг. // Социально-политический журнал. 1997. №1.

фазах их стадийного развития"²¹. Аналитическая строгость и взвешенность оценок и прогнозов характеризует труд А.Д. Воскресенского, где основной упор сделан на рассмотрении политических процессов как в странах Африки, так и в странах Восточной Азии (Индии, Пакистана, Китая и др.), специфики и общей тенденции процесса приведения традиционных цивилизаций Востока в соответствие с западными «демократическими стандартами». Но непосредственно Центральной Азии в данной работе посвящена только часть параграфа²². Проблема трансформации политических режимов государств постсоветского пространства, в том числе и некоторых государств Центральной Азии, рассматривалась в диссертациях А. Прокофьева, Е. Терешинной, Л. Олейник, Н. Борисова²³. Исследование А.В. Скиперских²⁴ посвящено механизмам легитимации политической власти на постсоветском пространстве.

Работы, О.И. Зазнаева, А.А. Куртова, Б. Макаренко, А. Медушевского, А. Нуссбергер²⁵ выполнены на стыке политологии и правоведения, где юридический анализ конституционных норм, избирательного законодательства сочетается с политологическим анализом становления института президентства, развития парламентаризма и партийной системы в центральноазиатских республиках.

Отдельно следует обозначить насыщенную фактологическим материалом и концептуально выверенную коллективную монографию

²¹ Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. №2(3); Касымбеков М.Б. Особенности института президентства в странах второго и третьего "эшелона модернизации" // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3; Макаренко Б.И. Консолидация демократии: "детские болезни" постсоветских государств // Полития. 2002-2003. №4; Морозова М. От стабильности - к процветанию. Если позволят обстоятельства // Азия и Африка сегодня. 1997. №12; Эсенов Х.К. Политическое развитие стран Центральной Азии // Вестник МГУ. Сер. 18. 1995. №2.

²² Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.

²³ Прокофьев А. Трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины (сравнительное исследование). Автореф. дис. канд. полит. наук. Казань, 2009; Терешина Е. Консолидация демократии в условиях трансформации политической системы общества (теоретико-методологический). Автореф. дис. канд. полит. наук. Казань, 2006; Олейник Л. Политические трансформации на постсоветском пространстве (на примере Российской Федерации, Украины, Республики Молдовы). Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2006; Борисов Н. Трансформация политических систем Киргизии и Узбекистана: сравнительный анализ. Дис. канд. полит. наук. М., 2006.

²⁴ Скиперских А.В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве. Автореф. дис. докт. полит. наук. Воронеж, 2007.

²⁵ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006; Куртов А.А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001; Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et contra. 2006. Т.10. №1(31); Медушевский А. Конституционная реформа в Туркменистане: переход к демократии или модернизация авторитаризма? // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2008. №6 (67); Нуссбергер А. Ограничения президентской власти в посткоммунистических странах // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2008. №5 (66).

«Постсоветская Центральная Азия: потери и приобретения»²⁶, где процессы трансформации политических режимов в регионе были рассмотрены за хронологический промежуток первых пяти лет после распада СССР; работу Ш. и Р. Шукуровых²⁷ с обстоятельным анализом первого десятилетия развития региона, в том числе и политико-институционального, и основанного на рассмотрении 15-летнего периода политической истории уже двух пограничных с Россией южных регионов труда «Центральная Азия и Южный Кавказ: насущные проблемы»²⁸.

При выработке общей концепции и структуры настоящего исследования помогли отдельные оценки и выводы таких авторов, как С.В. Бирюков, В.М. Кулагин, А.А. Куртов, Н. Масанов, Г. Старченков, К.М. Труевцев, А. Умнов, Д.Е. Фурман, В. Хлюпин и А. Грозин, Д.С. Швецова и Е.Б. Шестопал²⁹.

При рассмотрении в настоящем исследовании авторитаризма как теории и политической практики ориентирами служили работы признанных классиков западной политологии – Т. Адорно, Г. Алмонда, Р. Арона, Ф. Закарии, В. Меркеля и А. Круассана, Ж. Эллюля, Ю. Эволя³⁰ и публикации российских обществоведов³¹. В том числе представите-

²⁶ Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения. М., 1998.

²⁷ Шукуров Ш., Шукуров Р. Центральная Азия. М., 2001.

²⁸ Центральная Азия и Южный Кавказ: насущные проблемы. М., 2007.

²⁹ См.: Бирюков С.В. Республика Узбекистан: Модель авторитарной модернизации // Восток. 1997. №1; Кулагин В.М. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств // Полис. 2004. №1; Куртов А.А. Метаморфозы демократии: генезис политических режимов в Центральной Азии // Свободная мысль XXI век. 2004. №9; Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое сотрудничество // Вестник Евразии. 1996. №1(2); Масанов Н. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии. 1995. №1; Старченков Г. Блеск и нищета суверенного Узбекистана // Азия и Африка сегодня. 1995. №5; Труевцев К.М. Политические системы России и Казахстана: сравнительный анализ // Полития. 2005. №1; Умнов А. Общество и государство в Средней Азии и на Среднем Востоке // МЭ и МО. 1996. №7; Фурман Д.Е. Казахстан: власть и режим (сравнение с Россией // Россия и современный мир. 2004. №4; Хлюпин В., Грозин А. «Кочевые элиты» постсоветской Азии // Азия и Африка сегодня. 2001. №4; Швецова Д.С. Политические риски в государствах Центральной Азии // Полис. 2008. №2; Шестопал Е.Б. Электоральный авторитаризм: казахстанский вариант // Полис. 2002. №6.

³⁰ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001; Алмонд Г. Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М., 2002; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2(42); Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. №1; №2; Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2007; Эволя Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2007.

³¹ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Андреев С.С. Политический авторитет и политическое лидерство // СПДЖ. 1993. №1-2; Вайнштейн Г. Рост авторитарных установок и политическое развитие современной России // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №11; Сумбатян Ю.Г. Авторитаризм как категория политической социологии // Кентавр. 1994. №5; Труников В. Политический режим: диалектика демократии и диктатуры // Диалог. 2001. №10.

лей профильных страноведческих дисциплин - востоковедов и африканистов, рассмотрение которыми кланово-племенных и тейпово-трайбалистских принципов устройства традиционного социума служит своеобразным ключом к правильному определению сущностных границ институционализации «башизма»³².

Отдельно следует отметить небольшую, но емкую и методологически плодотворную работу Я. Шимова о восточноевропейском аналоге режима «патерналистской автократии» - «батьковщине» А.Г. Лукашенко³³, не утратившей своего значения коллективную монографию «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного»³⁴ и публикации, непосредственно анализирующие кланово-племенные особенности генезиса и функционирования «кочевых элит» в республиках Центральной Азии Е.А. Борисовой, В. Хлюпина и А. Грозина³⁵. Процессы самоопределения этих элит вокруг фигур национальных лидеров получили оформление и непосредственно в рамках политической легитимации режимов патерналистских автократий (работы Х. Бабаева, М.Т. Баймаханова, Ш. Кадырова, А.Н. Нысанбаева, Е.М. Арынова и Е.Ж. Бабакумарова и М. Хаитова³⁶), и в форме создания новых, мифологизированных, по сути, реконструкций «прежних» моделей национально-государственной идентичности, что наложило отпечаток на ментальность, идеологию и культуру³⁷,

³² *Боришполец К.П.* Постсоветское пространство в этнополитическом измерении // Вестник Моск. ун-та. Сер.18. 1998. №3; *Боришполец К.* Клан и политическая власть // Азия и Африка сегодня. 1991. №9; *Кейсрани Шах Наваз* Кто встал во главе каравана // Азия и Африка сегодня. 1996. №10; *Лебедева Э.* Авторитаризм в Африке: типология, эволюция, перспективы // МЭ и МО. 1990. №4; *Санглибаев А.А.* Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. №6; *Смагамбетова Б.Д.* Родоплеменной фактор в системе «руководитель-подчиненный» // Социс. 1998. №3.

³³ *Шимов Я.* Батьковщина. Феномен патернализма в восточноевропейских обществах // <http://www.polit.ru/publicism/world/paternalism.html> - просмотр от 30.03.2004).

³⁴ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / под ред. Кей-нер Л.И., Симония Л.А. М., 1984.

³⁵ *Борисова Е.* Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. 2002. №1(16); *Хлюпин В., Грозин А.* «Кочевые элиты» постсоветской Азии // Азия и Африка сегодня. 2001. №4; *Хлюпин В.* «Большая семья» Нурсултана Назарбаева или политическая элита современного Казахстана. М., 1998.

³⁶ *Бабаев Х.* Становление и развитие национальной государственности в Узбекистане // Общество и экономика. 1998. №3; *Баймаханов М.Т.* Проблемы воплощения принципов независимого государства в конституции Казахстана // Общественно-политический журнал. 1992. №6; *Кадыров Ш.* Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // Вестник Евразии. 2001. №2 (13); *Нысанбаев А.Н., Арынов Е.М., Бабакумаров Е.Ж.* Республика Казахстан: социально-политический облик на пороге XXI века // Социс. 1996. №8; *Хаитов М.* Новая конституция Туркменистана // Народный депутат. 1992. №14.

³⁷ *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1998; *Глазовская Л.* Национальная идея в туркменском преломлении // Азия и Африка сегодня. 1996. №10; *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999; *Нестеров К.В.* Праздник как способ символической легитимации политической власти // Со-

общественные настроения и психологию³⁸, электоральное поведение³⁹, а также на само воспроизводство моделей этой идентичности⁴⁰. Эта «цивилизационная идентичность», программирующая в немалой степени противоречия внутри и конфликты вовне, была обозначена прежде всего в исследованиях западных политологов, философов и футурологов – Э. Балибара, И. Валлерстайна, П. Кеннеди, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, Ш. Эйзенштадта⁴¹. «Цивилизационная» модель тем более важна, что во многом именно представители этой школы политологии (прежде всего американской) причастны к разработке внешнеполитической стратегии США во всем мире, включая Центральную Азию. В данном отношении особый интерес вызывают работы М. Олкотт, привлекающейся Госдепартаментом США в качестве эксперта по этноконфессиональным процессам и конфликтам на постсоветском пространстве⁴². Основные ориентиры курса на гегемонию США в XXI веке, включая фактически все постсоветское пространство, даны в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска»⁴³. Проблемы американо-российского взаимодействия и противоречий в Центральной Азии затрагивает и член неофициального «Валдайского клуба» Н.В. Злобин, во многом разделяющий официальные американские установки и ценности, но пытающийся внести в них определенные корректировки⁴⁴.

Процессы генезиса и ранней стадии развития режимов патерналистской автократии в Центральной Азии помогают проследить сборники

временное общество: человек, власть, экономика. Саратов. 2005. Ч.2.; *Ногойбаева Ч.* Паллиативы киргизской культуры в XX веке // *Общественные науки и современность*. 1998. №8.

³⁸ *Кадыржанов Р.К.* Вопросы демократизации в общественном мнении казахстанцев // *Социс*. 2001. №12; *Халова Г.* «Нам не нужны революции» // *Азия и Африка сегодня*. 1996. №10; *Нежурин-Кузничная Н.Ю.* Популярная этнопсихология. М., 2004.

³⁹ *Гуревич Л.Я.* Особенности электорального поведения граждан Казахстана // *Социс*. 1996. №5; *А. Умланд* Электоральный авторитаризм на постсоветском пространстве // *Сравнительное Конституционное Обозрение*. 2008. № 1(62).

⁴⁰ *Забирова А.Т.* Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // *Социс*. 2003. №12; *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. М., 1997; *Реальность этнических мифов* / под. ред. *М.Олкотт и А.Малащенко*. М., 2000; *Тиликов В.А.* Реквием по этносу. М., 2003.

⁴¹ *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003; *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997; *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004; *Тоффлер Э.* Война и антивоенная: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1991.

⁴² *Олкотт М.* Второй шанс Центральной Азии. М., 2005; *Олкотт М.* Центральная Азия: перспективы смены власти // *Pro et Contra*. 2005. №1(28); *Олкотт М.* Размышления о политике США в Центральной Азии // *Pro et Contra*. 2000. Том 5. №3; *Олкотт М.* «Дружба народов» в мире энергетики // *Pro et Contra*. 2006. Том 10. №2-3(32).

⁴³ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.

⁴⁴ *Злобин Н.В.* Противостояние: Россия – США. М., 2009; *Злобин Н.В.* Второй новый миропорядок. Геополитические головоломки. М., 2009.

документальных материалов⁴⁵ и работы современных российских исследователей на стыке истории и политологии⁴⁶. Прогностический же анализ процессов в регионе, достаточно характерный для американской школы (П. Кеннеди, Э. Тоффлер, М. Олкотт и др.), в отечественных исследованиях носит пока фрагментарный характер. Методология прогнозирования «историологических сценариев», как, например, у В.В. Феллера, вызывает некоторые сомнения⁴⁷, а попытки конкретной экстраполяции на ближайшее будущее «Больших кругов» у А.В. Полуха уже не соотносятся с реальными политическими процессами⁴⁸.

В целом изучение проблем генезиса, сущности, специфики и тенденций развития политических режимов Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана в силу их актуальности и уровня научной разработанности, остается перспективным направлением для дальнейших исследований.

Объектом исследования являются политические режимы современных республик Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана.

Предмет исследования составили характеристики и особенности этих режимов в виде патерналистских автократий, определившие процесс институционализации «башизма».

Цель настоящего исследования состоит в выявлении общих черт и специфики политико-институционального государственного устройства Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, сложившегося в начале 90-х гг. XX в., и его дальнейшей трансформации вплоть до настоящего времени.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие научные задачи:

- определение сущностных границ понятия «патерналистская автократия» применительно к анализу центральноазиатских политических режимов с выделением ее региональной вариации в виде «башизма»;
- выявление и анализ внутренних и внешних факторов (исторического, социокультурного, политико-правового и этноконфессионального, цивилизационного и геополитического характера), повлиявших на генезис и развитие данных режимов;

⁴⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007.

⁴⁶ Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008; Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1971-1985 гг. М., 2001.

⁴⁷ Феллер В.В. В смуту XXI века. Очерки движущих сил и предопределенных исходов кризисного развития 2000-2030. Самара, 2002.

⁴⁸ Полух А.В. 2013. Воспоминания о будущем. М., 2005.

- установление корреляции между теми или иными фигурами президентов и режимами патерналистской автократии в регионе;
- оценка перспектив осуществления «династического сценария» как возможности передачи власти и закрепления главенствующего положения за определенными политическими кланами;
- разработка оптимальных подходов к изучению имиджевых характеристик центральноазиатских лидеров и их режимов.

Научная гипотеза исследования. После распада СССР в провозгласивших независимость государствах Центральной Азии системобразующим процессом стал процесс демодернизации, сущностью которого была архаизация политических систем, институтов, механизмов и ценностей. Процесс архаизации способствовал оформлению вокруг фигур «отцов-президентов» патерналистского авторитаризма / «башизма», который, несмотря на ряд общих для региона тенденций, имеет специфические для Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана особенности. В рамках патерналистской автократии отмечается персонификация институтов власти, а также способов осуществления властных полномочий. Можно предположить, что трансформация «башизма» в первую очередь определяется характером используемых «баши» политических практик и инструментов.

Методология исследования. В рамках неoinституционализма изучались существующие в центральноазиатских государствах формальные и неформальные институты, определяющие характер и сущность сложившихся авторитарных режимов.

Основополагающим методом настоящего исследования стал метод сравнительного анализа /компаративный метод, позволяющий путем сравнения выявить общие и специфические особенности институционализации патерналистского авторитаризма в республиках Центральной Азии, а также сходства и различия с политическими режимами других бывших союзных республик и государств Ближнего и Среднего Востока. Функциональный метод дает возможность вскрыть механизмы воздействия «вертикалей власти» на политическое пространство и социум центральноазиатских государств.

Биографический метод применялся при исследовании фигур президентов центральноазиатских республик, фактологической составляющей их трудов, событий их политических биографий с целью выявления субъективного фактора в политических процессах в республиках.

Ивент-анализ или метод анализа событийных данных позволил упорядочить и структурировать сложные политические процессы, происходящие в регионе в постсоветский период, в том числе конфликтные ситуации (государственный переворот в Киргизии), процессы международного сотрудничества и др.

Метод главных компонент позволил выделить в первой главе политико-правовые, социокультурные, этноконфессиональные, внешне-политические основания формирования и трансформации режимов патерналистской автократии в республиках Центральной Азии. Использование метода главных компонент позволяет моделировать дальнейшую трансформацию данных политических режимов на основе диагностическо-ситуационного анализа.

Дискурс-анализ научной литературы использовался с целью выявления сущности, генезиса, структуры и функциональности режимов центральноазиатских этнархов/«баши». Текстологический анализ применялся в основном в отношении сведений из средств массовой информации, более политизированным, эмоциональным и субъективным, но вместе с тем представляющим необходимый фактический материал.

Источниковая база. Для реализации исследовательской цели и научных задач привлекались следующие группы источников.

Официальные тексты, книги и интервью находившихся и находящихся у власти президентов Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана. По массиву программных текстов в регионе первенство принадлежит президенту Казахстана Н. Назарбаеву, по интенсивности использования в политической практике – «Рухнаме» Туркменбаши. Характерно, что программные тексты Г. Бердымухамедова были ориентированы на систему ценностей «Рухнамы».

Политико-правовые аспекты институционального дизайна режимов центральноазиатского «башизма» анализировались, исходя из текстов основополагающих законов этих государств.

СМИ в этих странах являются специфическими источниками информации о происходящих политических процессах, так как их следовало скорее обозначить в качестве каналов и рупоров официальной пропаганды (например, доступный автору «Нейтральный Туркменистан»). К сожалению, за редким исключением (несколько номеров оппозиционной прессы Казахстана, посвященных скандалу вокруг семейства Назарбаевых - т.н. «казахгейта») альтернативные источники информации из региона были недоступны.

Основной информационный материал был найден в российских печатных изданиях и в первую очередь в «Независимой газете». Также использовались публикации и других российских СМИ, дававших довольно полемические материалы по отношению к официальной российской внешнеполитической стратегии в регионе («Российская газета», отчасти «Известия», «Аргументы и факты», «Литературная газета»), с либерально-демократических позиций («Новая газета», «Новое время»). Периодически накануне или после саммитов глав СНГ, встреч российских президентов с их центральноазиатскими коллегами или электоральных кам-

паний в регионе появлялись статьи аналитическо-публицистического плана и в журналах «Профиль», «Комерсантъ – Власть».

Существенную роль сыграли интернет-ресурсы: как газетные, в частности, электронная версия «Независимой газеты», так и новостные, включающие освещение в регионе событий, практически не попавших в официальные сводки, или получившие иное освещение и альтернативные трактовки.

Новизна проведенного исследования заключается в постановке проблемы, формулировании исследовательских цели и задач, а также в полученных результатах, состоящих в следующем:

- выявлены сущностные границы политических режимов в современных Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане, которые в целом могут быть идентифицированы как «патерналистские автократии»;
- дано определение региональной разновидности авторитаризма как «башизма» и проведен анализ основных параметров данной формы политических режимов в Центральной Азии;
- исследована совокупность наиболее значимых факторов (историко-культурного, религиозного, политико-институционального, геополитического и цивилизационного), повлиявших на генезис и становление режимов патерналистских этнархий в данных государствах;
- проанализированы различные варианты патерналистских автократий, сложившихся вокруг фигур президентов / «баши» Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана;
- прослежены режимно-трансформационные сдвиги в Киргизии и Туркменистане после государственного переворота и смерти Туркменбаши соответственно;
- предложены авторские прогнозы развития режимов патерналистской автократии и судеб их этнархов/«баши», включая потенциал осуществления сценария смены власти в рамках «династической модели» в Казахстане и Узбекистане;

Положения, выносимые на защиту:

1. После распада СССР, на территории бывших союзных республик Центральной Азии стали складываться авторитарные политические режимы с уклоном в укорененную местными традициями и ценностями модель государственно-патерналистского толка. Здесь политический лидер постулирует себя сверху и воспринимается снизу как «отец нации». В классическом «западном» понимании такая фигура может быть обозначена как «этнарх», в «восточном» – «баши»;
2. В качестве своеобразных катализаторов процесса становления патерналистских автократий в регионе служили, в первую очередь, кланово-племенные регуляторы функционирования центральноазиатского со-

циума, сложившиеся еще до вхождения этих территорий в состав Российской империи и сохранившиеся в той или иной степени в их бытность советскими союзными республиками. Клановость во многом предопределила как характер рекрутирования местных политических элит, так и значение «предводителя» клана / жуза, который и трансформировался со временем в фигуру национального «автократора» / «баши»;

3. В качестве идейных основ патерналистских этнархий используются традиционные для Центральной Азии формы ислама. Закрепленный в исламском богословии принцип слитности, неразделенности власти делает «верховного» автократора живым воплощением «земного авторитета», стоящего над всеми ветвями власти и народами в целом. Степень использования конфессионального фактора в целях укрепления режимов власти в регионе значительно варьируется: от формального равноправия всех религий в Казахстане и «мягкой» исламизации в Киргизии до «светского исламизма» в Узбекистане и практически обожествления в Туркменистане С.Ниязова, который, будучи Туркменбаши и автором «Рухнамы», выступал в качестве фигуры, почти равновеликой пророку Мухаммеду;

4. В качестве несущих политико-институциональных конструкций выступают механизмы и процедуры сильных президентских республик, где главы государств фактически закрепили за собой властные полномочия и прерогативы «пожизненных президентов», что в максимальной степени проявилось в феномене «Туркменбаши». Но по степени концентрации власти режимы представляют собой различные варианты: от тяготеющей к президентско - парламентской модели политического бицентризма Киргизии до политических моноцентрических систем Казахстана (в меньшей степени), Узбекистана и Туркменистана;

5. Центральная Азия все больше выступает в качестве важного геостратегического региона, где происходят не только пересечение и наложение внешнеполитических интересов России, Китая, США, Турции и Ирана, но и «столкновение цивилизаций», что в значительной степени будет определять судьбы проживающих здесь народов и мира в целом в XXI веке.

6. В рамках обозначенных моделей происходят процессы формирования патерналистских автократий, рекрутирования и смены политических элит, а также отбор потенциальных преемников центральноазиатских лидеров. На основании общих закономерностей и специфики функционирования режимов, сделаны прогнозы об их возможных трансформациях и происхождении (включая и «династический сценарий») тех фигур, с которыми и будут связаны эти изменения.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что проведен системный анализ политических режимов четырех из пя-

ти бывших советских республик Центральной Азии, позволивший идентифицировать их как патерналистские автократии в форме «башизма». Полученные результаты вносят вклад в развитие политической теории в таких ее аспектах, как политические режимы и их институциональный дизайн, а также позволяют прогнозировать наиболее вероятные сценарии развития республик, возможных конфликтов внутри региона и на его границах. Результаты исследования также могут быть полезны в качестве аналитического обеспечения процессов выработки внешнеполитической стратегии РФ в Центральной Азии.

Апробация результатов исследования осуществлена в виде научных публикаций общим объемом 2,5 п.л., в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов исследований, представленных на соискание ученых степеней, в ходе выступления на научных конференциях (научные конференции преподавателей, аспирантов и студентов СГУ им. Н.Г. Чернышевского по специальности «Политология»: «Современное общество: человек, власть, экономика» (Саратов, 2004 г.), пленарное заседание межвузовской научной конференции студентов и аспирантов «Политика и право вокруг нас» (Саратов, апрель 2007 г.), «Политические проблемы современного общества» (Саратов, апрель 2008 г., 2009г.), при обсуждении на заседаниях аспирантского семинара и коллектива кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

В соответствии с поставленными выше задачами, диссертационная работа состоит из введения, первой главы, состоящей из пяти параграфов, второй главы, состоящей из четырех параграфов, заключения и списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности, показываются проблемные аспекты изучаемого вопроса. Определяется объект и предмет, цель и задачи, теоретико-методологические основы исследования. Формулируются научная гипотеза, новизна и положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об источниковой базе исследования, освещается теоретическая и научно-практическая значимость работы, а также формы ее апробации.

Первая глава диссертации - «Факторы формирования и механизмы легитимации политических режимов в республиках Центральной Азии» посвящена выявлению основных moderирующих структур и процедур признания изучаемых автократий.

В первом параграфе «Историко-культурная доминанта функционирования режимов власти в регионе» анализируются особенности кланово-племенного устройства традиционного восточного социума, во многом определяющего характер рекрутирования политических элит и роли «политических старейшин», из которых, как правило, происходили и происходят лидеры, постулирующие себя в качестве «отцов» нации. Устойчивые неформальные объединения, построенные на личных связях их членов, играют важную роль в процессе принятия властных решений в режимах патерналистской автократии. Особое значение для эффективности политического клана имеет личность его главы, чаще всего с задатками харизматического лидера.

Советская власть способствовала укреплению кланового самосознания; ее авторитарно-иерархическая система слилась с традиционной схемой общественных отношений, основанных на коллективистской солидарности и повиновении «старшим». Это во многом объясняет генезис феномена «башизма».

Второй параграф «Конфессиональное основание этнархий» поднимает проблему роли религии в процессе легитимации центральноазиатских режимов. Идеологический вакуум в регионе заполнялся при помощи реактуализации традиционных форм ислама, как своеобразного знамени «национально-государственного» строительства в республиках. В центре идеологии национальной независимости оказались такие мусульманские нормы бытия как согласие, стабильность, вера в богоизбранность правителя, которые имели определяющее значение для новой власти независимых республик.

Несмотря на процессы русификации и советизации, длившиеся на протяжении более чем 70 лет в республиках Средней Азии, ислам сохранил свою значимость на культурно-бытовом уровне и стал символом построения нового суверенного государства, возвращения к культурно-историческим традициям. Варианты использования религиозной составляющей не одинаковы и зависят, прежде всего, от характера сложившихся политических режимов в республиках.

Третий параграф «Президентские республики Центральной Азии: политико-институциональный фактор» посвящен политико-правовым основаниям «властных вертикалей», выстроенных под президентов – «баши», которые не просто рассматриваются как гаранты конституций, но, как находящиеся над ветвями власти «конституционные монархи», объем полномочий и возможностей которых, близки к абсолютным.

Принятие демократических по форме и содержанию конституций не повлекло за собой формирования таких же политических систем. Реальная государственная практика свидетельствует о существовании

слабой, подконтрольной исполнительной и законодательной власти и абсолютно неэффективной судебной власти. Баланс разделения полномочий существенно смещен в пользу главы государства, что также способствует воспроизводству и сохранению авторитарных характеристик существующей власти. Конституции республик представляют собой законодательно оформленную возможность повышения и укрепления авторитета и статуса их национальных лидеров.

Научной задачей, решаемой в рамках четвертого параграфа **«Цивилизационная константа и модернизационный потенциал феномена «башизма»**», является выяснение возможностей трансформации традиционных социумов Востока в рамках глобализационных процессов, а также выявление общих закономерностей и специфики Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана в плане перспектив осуществления модернизации.

После распада СССР был запущен социокультурный механизм ретрадиционализации, оборотной стороной которого является доминирование коллективных ценностей над индивидуальными и безусловное подчинение авторитету старейшин. Центральноазиатский «башизм» стал особой формой организации политических систем, в рамках которой и произошла архаизация основных политических институтов, характерных не столько для параметров национальных государств новейшего времени, сколько для родоплеменных организмов древней эпохи.

Находясь на стыке междисциплинарного взаимодействия, республики Центральной Азии аккумулируют в себе различные внешние влияния (западное, исламское, российское и китайское). В результате разнородности этих влияний развитие центральноазиатских государств и их открытость для внешнего мира полностью зависит от политической воли их лидеров и характера сложившихся политических режимов.

В пятом параграфе **«Геополитический фактор и политические риски центральноазиатских автократий»** рассматривается внешнеполитическая деятельность соседних государств как внешний фактор, во многом влияющий на характер и степень признания патерналистских автократий региона на мировом уровне, а также дипломатической поддержки политических лидеров республик. В настоящее время Россия, используя как систему двусторонних связей, так и блок-овые организации и союзы (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС), выступает в качестве доминирующей силы в Центральной Азии. Но статус РФ как региональной державы все больше оспаривается США, Китаем, Турцией, Ираном, радикально-исламистскими силами.

Основу внешнеполитической стратегии государств Центральной Азии составил принцип многовекторности. Усиление тех или иных

внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов зависит не только от многочисленных факторов внутриполитического развития республик, но и от внешнеполитических предпочтений и личных интересов центральноазиатских лидеров.

Во второй главе диссертации «Патерналистский авторитаризм в странах Центральной Азии» исследуются генезис, тенденции, перспективы и сущностные границы властного устройства «башистских» режимов непосредственно в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркменистане.

Первый параграф «Казахстан: демократический царизм» посвящен рассмотрению принципиально значимых для выяснения природы и особенностей режима Н. Назарбаева: основным вехам политической биографии, помогающим осознать механизмы прихода и удержания власти и характеру взаимоотношений «этнарха» с парламентом, оппозицией и СМИ; особое внимание уделяется ближайшему родственному окружению Н. Назарбаева, воспринимающегося как «президентский жуз», который выступает не только как важнейшая опора режима, но и в качестве потенциального источника следующего казахстанского «баша».

Во втором параграфе «Киргизия: либеральное ханство» затрагивается и срок президентских полномочий А. Акаева и его «политического сменщика» К. Бакиева, пришедшего к власти в результате революции. Одной из важнейших причин этого переворота было ослабление позиций первого президента республики Кыргызстан как раз в качестве национального «баша». Ключом ко многим политическим событиям в республике последних лет является так и не осуществленный в полном объеме курс на интеграцию «южного» и «северного» секторов страны в единое пространство – задача, с которой не справился А. Акаев. В настоящее время политический режим носит характер дуальной патерналистской автократии, знаменующий консенсус политических элит Севера и Юга в лице К. Бакиева и Ф. Кулова.

В третьем параграфе «Узбекистан: светский Эмират» изучается бытование режима И. Каримова в самой конфликтной (на сегодняшний день) республике Центральной Азии. Постоянные угрозы со стороны исламских фундаменталистов, экстремистов, террористов, сепаратистов и отстраненных президентом от власти кланов диктуют узбекскому лидеру необходимость более жесткого и непримиримого к оппонентам политического режима. Здесь политика государственного патернализма неизбежно включает фактор обязательной лояльности населения своему предводителю, который избрал знаменитого воина-правителя Тамерлана в качестве исторической фигуры для обозначения символическо-легитимационных основ своего режима и его претензий внутри страны и за ее пределами.

Четвертый параграф «Туркменистан: «башизм» в действии» посвящен политическому режиму, который в максимальной степени приблизился к осуществлению классических параметров как автократии в целом, так и его патерналистской модификации. Демодернизация и реарханизация способствовали консолидации власти Туркменбаши как национального сверхавтократора, но они же во многом определили и изоляцию страны на международной арене. Подобный режим мог существовать лишь при жизни Туркменбаши, что и показали события после его смерти. Однако приход к власти Г. Бердымухамедова внес коррективы в работу механизмов трансляции образа политического лидера, но не привел к существенным изменениям самого режима.

В **Заключении** диссертации сформулированы научные результаты исследования, общие выводы, даны вероятностные сценарии дальнейшего развития политических процессов в республиках, рассмотрен практический вектор применения проблемы институционализации «башизма» при подготовке российской внешнеполитической стратегии.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах реестра ВАК РФ:

1. *Ванюков Д.А., Нестерова И.В.* «Башизм» v.s. «Империя»: пределы и риски этнархий Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2008. Том.8. Выпуск 2. С.112-116.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

2. *Нестерова И.В.* Феномен патерналистского авторитаризма на постсоветском пространстве // Современное общество: человек, власть, экономика. Материалы научной конференции преподавателей и студентов факультета социальных и гуманитарных наук СГУ. Саратов. 2005. Часть 2.С. 30-34.

3. *Ванюков Д.А., Нестерова И.В.* Этнархия: феномен посткоммунистических режимов Центральной Азии // Проблемы политической и правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов. 2007. Выпуск 1. С. 143-156.

4. *Нестерова И.В.* Сравнительный анализ конституций республик Центральной Азии // Политические проблемы современного общества. Сборник научных статей кафедры политических наук. Саратов. 2007. Выпуск 7. С.37-41.

5. *Нестерова И.В.* Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: исламский фактор // Политические проблемы современного общества. Материалы межвуз. науч. конф. студентов, аспирантов, докторантов и преп. по специальности «политология». Саратов. 2008. Выпуск 9. С.105-113.

6. *Нестерова И.В.* Клановость – как традиционный неформальный институт рекрутирования политической элиты в республиках Центральной Азии // Политические проблемы современного общества. Материалы межвуз. науч. конф. студентов, аспирантов, докторантов и преп. по специальности «политология». Саратов. 2009. Выпуск 11. С.117-124.

Нестерова Ирина Владимировна

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПАТЕРНАЛИСТСКОГО АВТОРИТАРИЗМА
В РЕСПУБЛИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии (по политическим наукам)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Ответственный за выпуск – кандидат политических наук, доцент
М.В. Данилов

10 =